

ния⁷⁶. Отмечены контакты с западными соседями (культура Черновода)⁷⁷. Появилась возможность на более широком историческом фоне среди многих синхронных культур рассматривать вопросы сложения и дальнейших судеб усатовских племен, лучше охарактеризовать их культурное своеобразие. Наиболее полно эти вопросы освещены в монографическом исследовании В. Г. Збеновича⁷⁸.

Вопросам изучения усатовских памятников и их интерпретации значительное внимание уделено в работах зарубежных исследователей в связи с решением важных этно-исторических проблем древнейшей истории Юго-Восточной Европы⁷⁹. Более широкому ознакомлению мировой исторической науки с усатовским комплексом способствовало также посещение памятника крупными западноевропейскими учеными (А. Н. Тальгрэн, Г. Розенберг, Т. Сулимирский и др.).

Однако, несмотря на многолетнее изучение памятников усатовского типа, ряд проблем в истории усатовских племен остается нерешенным. Очень важны и требуют дальнейшей разработки вопросы периодизации и относительной хронологии. Относительная хронология усатовских памятников, предложенная В. Г. Збеновичем, нуждается в дальнейшем уточнении⁸⁰. Не решены вопросы хронологических соотношений между двумя усатовскими курганными группами, курганными и грунтовыми могильниками, отсутствует хронологическая дифференциация отдельных групп погребений. Все еще не определен антропологический тип людей, оставивших усатовские памятники; антропологические материалы в большинстве своем не обработаны и не опубликованы, за исключением двух черепов плохой сохранности из II усатовского грунтового могильника⁸¹. До сих пор не нашли должного аргументированного решения вопросы, связанные с жилыми комплексами Усатовского и Маяцкого поселений, назначением «загадочных коридоров» в Усатово и ров на Маяцком поселении. Именно в этом направлении должны идти дальнейшие исследования памятников усатовского типа. Как показали раскопки, произведенные Одесским археологическим музеем в 1974 г., наиболее перспективен в этом отношении комплекс усатовского типа, включающий поселение и могильник у с. Маяки⁸².

⁷⁶ В. Г. Збенович. Кераміка усатівського типу. — Археологія, т. XXI, К., 1964, с. 76; его же. Енеоліт Північно-Західного Причорномор'я. — Матеріали з антропології України, вип. 7, К., 1973, с. 75—77; его же. Позднетрипольские племена Северного Причорноморья. К., 1974; Т. Г. Мовша. О северной группе позднетрипольских памятников. — СА, 1971, № 1, с. 31—54; Е. Н. Черных. О древнейших очагах..., с. 29.

⁷⁷ V. Dumitrescu. Considerations et données nouvelles sur le problème du synchronisme des civilisations de Cucuteni et de Gumelnita. — Dacia, VIII, 1964, с. 53—66; J. Nestor. Istoria Rumunilor, 1963, с. 15; В. Г. Збенович. Кераміка усатівського типу..., с. 76; его же. Енеоліт Північно-Західного Причорномор'я, с. 76; его же. Позднетрипольские племена Северного Причорноморья..., с. 103.

⁷⁸ В. Г. Збенович. Позднетрипольские племена Северного Причорноморья. К., 1974.

⁷⁹ T. Sulimirski. Corded Ware and Globular Amphore North-East of the Carpathians. London, 1968, с. 79—82; его же. Prehistoric Russia. London, 1970, с. 180—181; L. Kilian. Schnurkeramik und Ockergrabkultur. — SMYA, 59, № 2, Helsinki, 1957, с. 35—41, 50—52; M. Gimbutas. Notes of the Chronology and Expansion of the Pitgrave Culture. — L'Europe a l'afin de l'age de la pierre. Praha, 1961, с. 198.

⁸⁰ В. Г. Збенович. Позднетрипольские племена..., с. 131—134.

⁸¹ Г. П. Зиневич. Палеоантропологический материал из Усатовского могильника. — КСОГАМ за 1964 г. Одесса, 1964, с. 124—128.

⁸² К. В. Зиньковский, Э. Ф. Патокова. Отчет об охранных раскопках у с. Маяки. — Научный архив ИА АН УССР.

И. Т. ЧЕРНЯКОВ

НАЧАЛО ИЗУЧЕНИЯ ЭПОХИ ЭНЕОЛИТА И БРОНЗЫ В СЕВЕРО-ЗАПАДНОМ ПРИЧЕРНОМОРЬЕ

Изучение археологических памятников эпохи энеолита и бронзы степной части Северо-Западного Причерноморья началось еще в прошлом веке на заре развития русской археологической науки. Большую роль в организации археологических исследований на юге Украины и собирании материалов сыграли Одесский археологический музей (основан в 1825 г.) и Одесское общество истории и древностей (основано в 1839 г.), относящиеся к числу первых научных археологических организаций России¹. Основное внимание археологов XIX в. было направлено на античные памятники, однако на страницах «Записок», печатных протоколов и ежегодных отчетов Одесского общества публиковались отдельные находки эпохи бронзы. Так, еще в 1848 г. в с. Козорезово был найден небольшой клад предметов эпохи бронзы², а в 1856 г. — Коблевский клад³. Хотя предметы кладов были отнесены к более поздней скифской поре, их публикация явилась положительным фактом. Однако интерес исследователей в то время до такой степени был направлен к «классическим древностям», что памятники эпохи бронзы получали подчас самое неожиданное истолкование. Так, Н. Н. Мурзакевич относил бронзовые серпы из Козорезовского клада к числу специальных скифских ножей для скальпирования, описанных Геродотом. Стремление локализовать древние населенные пункты и повышенное внимание к произведениям древних античных авторов предопределили и особое отношение первых исследователей археологических памятников Северо-Западного Причерноморья к киммерийской проблеме⁴. Более древние периоды, о которых не было никаких письменных сведений, долгое время не привлекали археологов и оставались покрытыми настоящим «киммерийским мраком».

Большое значение для систематизации археологических знаний и разработки вопросов хронологии археологических памятников имели работы русских археологов, которые пытались обобщить сведения обо всех археологических находках в определенных географических районах. Одной из первых таких археологических карт, посвященных Северо-Западному Причерноморью, был известный труд А. С. Уварова⁵. Хотя автор и не распределил собранный им материал по хронологическим периодам, однако ему удалось точно зафиксировать многие археологические памятники различных эпох, например курганы у с. Шабо

¹ М. С. Синецкин. Развитие археологии в Одессе. — ЗОАО, т. I (34). Одесса, 1960; М. Г. Попруженко. Одесское общество истории и древностей. — ИВ, т. XI, 1914; Б. В. Варнеке. Краткий очерк деятельности Одесского общества истории и древностей. — ЖМНП, т. XII, 1914; В. Н. Юргевич. Одесское общество истории и древностей. — ЗООИД, т. XIV. Одесса, 1870; С. С. Дложевский. Одесский державный историко-археологический музей. К., 1927; А. А. Формозов. Очерки по истории русской археологии. М., 1961, с. 44.

² Н. Мурзакевич. Древности, открытые в Херсонской губернии. — ЗООИД, т. III. Одесса, 1852, с. 567—570, табл. X.

³ Отчеты Одесского общества истории и древностей (1840—1890), с. 19.

⁴ Ф. Брун. О киммериянах Геродота и о переселении кимрского племени. — ЗООИД, т. VII. Одесса, 1868; А. Подберезский. Киммерийские памятники. — ЗООИД, т. VII. Одесса, 1868; Н. Надеждин. Геродотова Скифия, объясненная через сличение с местностями. — ЗООИД, т. I. Одесса, 1844, и др.

⁵ А. Уваров. Исследования о древностях Южной России и берегов Черного моря, вып. II. СПб., 1856, с. 143—151.

на Днестровском лимане и у с. Картал (теперь Орловка) на Дунае. Исторические обобщения ученых середины XIX в. носили характер догадок, причем многие исследователи переносили черты истории степной зоны Северного Причерноморья XII—XVIII вв. на все прошлое этой территории. Так, А. А. Скальковский считал, что степь «была издревле безлюдна, необработана, служила убежищем только для кочевых народов»⁶. И хотя такая точка зрения уже тогда подвергалась критике, согласно которой степи были заселены «с древнейших доисторических киммерийских времен»⁷, однако мнение о безлюдности степной зоны как о своеобразном проходном дворе для кочевых народов незаслуженно сохраняется и до наших дней.

Очень рано внимание ученых стали привлекать курганы, которым в изданиях Одесского общества истории и древностей посвящается ряд статей⁸. Значительное количество памятников эпохи бронзы опубликовано в работах В. Н. Ястребова и П. О. Бурачкова⁹. Их археологические карты, составленные не по хронологическому, а по топографическому принципу, охватывают в значительной степени и территорию Северо-Западного Причерноморья, а собранные ими сведения об археологических находках, хотя и имеют некоторые неточности, не утрачивают своего значения и до наших дней. Памятники, собранные П. О. Бурачковым, хранятся в Одесском археологическом музее, Московском историческом музее и Эрмитаже. На некоторые из них утеряны паспорта, а материалы кладов эпохи бронзы перепутаны¹⁰ (Малокопаневский, Карандашинский¹¹ и Кобелевский¹² клады).

Большую роль в активизации исследований археологических памятников Северо-Западного Причерноморья сыграл VI Археологический съезд, проходивший в Одессе в 1884 г. В программу работы съезда были включены вопросы изучения памятников эпохи бронзы и раннего железа. Интересны в этом отношении тезисы А. С. Уварова об определении начала бронзового века, первом появлении железа, о связях памятников эпохи бронзы Азии и Европы¹³, доклад В. Б. Антоновича о раскопках курганов на рассматриваемой территории¹⁴. Сведения о

⁶ А. Скальковский. Опыт статистического описания Новороссийского края, ч. I. География, этнография и народонаселение Новороссийского края. Одесса, 1850.

⁷ М. Бухтеев. Опыт статистического описания Новороссийского края А. Скальковского. — ЗООИД, т. III. Одесса, 1852, с. 470.

⁸ А. Шмидт. Особенности курганов Херсонской губернии. — ЗООИД, т. IV. Одесса, 1858, с. 467—469; С. Крыжановский. Юзефпольские древности. — ЗООИД, т. IX. Одесса, 1875, с. 445—446; Г. Спасский. О сходстве курганов в Южной России с курганами в Южной Сибири. — ЗООИД, т. III. Одесса, 1853, с. 528—535; Г. Олофсон. Примечательнейшие курганы Бессарабской области в Бендерском уезде. — ЗООИД, т. II. Одесса, 1848, с. 550—554.

⁹ В. Н. Ястребов. Опыт топографического обозрения древностей Херсонской губернии. — ЗООИД, т. XII. Одесса, 1894, с. 63—176; П. О. Бурачков. Объяснение к археологической карте Новороссийской губернии и Крыма. — Древности, т. XII. М., 1888, с. 7—16; его же. О местоположении древнего города Каркинитеса и монетах, ему принадлежащих. — ЗООИД, т. IX. Одесса, 1875, с. 52.

¹⁰ А. М. Tallgren. La pontide prescythique apres l'introduction des metaux. — ESA, II. Helsinki, 1926.

¹¹ А. М. Лесков. О северо-причерноморском очаге обработки металла в эпоху поздней бронзы. — В кн.: Памятники бронзового века юга европейской части СССР. К., 1967, с. 143—178.

¹² И. Т. Черняков. Из истории бронзолитейного производства в Северном Причерноморье. — ЗОАО, т. III (35). Одесса, 1967, с. 23—37.

¹³ Труды VI АС, т. I. Одесса, 1886, с. XXIV.

¹⁴ В. Б. Антонович. О раскопках курганов, произведенных в поречьях Днестра, Буга и Ингула. — Рефераты заседаний VI АС. Одесса, 1884, с. 14.

находках эпохи бронзы в Европейской России, в том числе и на территории Северо-Западного Причерноморья, нашли отражение и в зарубежной литературе¹⁵.

Развитие археологической науки в конце XIX и начале XX в. характеризуется усилением интереса к доисторическим древностям. Начинаются целенаправленные раскопки курганов, которые вели часто непрофессиональные археологи. Так, в 1895—1896 гг. землевладельцем В. И. Станилевичем был раскопан курган с многочисленными погребениями в с. Затишье Тираспольского уезда Херсонской губернии¹⁶. Курган, очевидно, был сложным памятником с многочисленными досыпками разных периодов. В нем оказалось несколько погребений эпохи бронзы. Раскопки, к сожалению, были проведены траншеями с юга на север (методом, заимствованным у кладоискателей). Положительной чертой раскопок В. И. Станилевича было доведение траншеи до материка.

Особенно плодотворными были раскопки курганов в бывшем Тираспольском уезде, проведенные смотрителем земской больницы и арестантского дома в Тирасполе И. Я. Стемпковским. С 1896 по 1911 г. им на левобережье Днестра у сел Коротна, Глинное, Слободка, Красногорка, Сукляя и др. было раскопано более 400 курганов. Кроме И. Я. Стемпковского, в раскопках принимали участие его жена Л. П. Стемпковская — одна из первых русских женщин-археологов. С 1899 г. Л. П. Стемпковская была руководителем раскопок. Она тщательно следила за ходом работ, вела подробные дневники и составляла инвентарные списки.

Раскопанные И. Я. и Л. П. Стемпковскими курганы относятся к разным археологическим периодам и археологическим культурам — от эпохи меди до поздних кочевников. Применявшаяся ими методика раскопок для того времени была передовой. Курганы чаще всего раскапывались почти на снос по всей площади насыпи при помощи вписанного в окружность кургана квадрата. При этом нераскопанными оставались лишь незначительные участки — полы кургана. Реже они применяли раскопки при помощи широких траншей, пересекающих курган под прямым углом в виде буквы Т или креста. В дневниках И. Я. и Л. П. Стемпковских тщательно отмечены особенности насыпей, размеры курганов, обряд погребений и погребальный инвентарь¹⁷. В отдельной тетради составлялась полевая опись находок с рисунками, которые помогают идентифицировать многие находки, хранящиеся в настоящее время в Херсонском музее. Рисунки погребений, погребальных сооружений, сделанные в дневниках, схематичны, без масштабов. Длительные и значительные раскопки курганов И. Я. и Л. П. Стемпковскими на Тираспольщине до сих пор по достоинству не оценены в науке. Дневники и материалы раскопок полностью не были изданы. Обобщенные и неполные сведения об их рас-

¹⁵ F. Martin. Werkstatt-Fund aus der Umgebung von Odessa. Verhandlungen der Berliner Gesellschaft für Anthropologie, Ethnologie und Urgeschichte. — Die Beilage "Zeitschrift für Ethnologie", 1888, с. 144; I. R. Aspelin. Antiquites du Nord-Agrien. Helsinki—Helsingfors, 1877, с. 83; I. Dechelette. Manuel d'archéologie préhistorique, antique et gallo-romain, II. Paris, 1910, s. 185—186.

¹⁶ АИЗ, 1896, № 2, с. 54—55 (Дневник раскопок В. И. Станилевича хранился в Херсонском музее).

¹⁷ Автор пользуется копиями дневников И. Я. и Л. П. Стемпковских, хранящихся в Херсонском музее (оригиналы дневников находятся в архиве ЛОИА АН СССР).

копках имеются лишь в работах В. И. Гошкевича и И. В. Фабрициус¹⁸. Т. С. Пассек опубликованы сосуды позднетрипольской культуры¹⁹, а А. И. Мелюковой — погребения скифского времени из раскопок Стемповских²⁰. Материалы же бронзового века совершенно забыты, хотя и представляют большой интерес для изучения эпохи бронзы в Северо-Западном Причерноморье.

В 1899 г. помещиком Б. Н. Эрдели раскопан курган с материалами катакомбной культуры в с. Мостовом²¹. В 1888—1889 гг. профессором Киевского университета Ф. И. Кнауэром были проведены раскопки курганов в Южной Бессарабии по берегам рек Сараты и Когильник²². Раскопанные им курганы имели многочисленные досыпки, погребения и материалы относятся к различным хронологическим периодам. Методика раскопок, к сожалению, была несовершенной. Курганы, раскопанные Ф. И. Кнауэром, представляют большой интерес для понимания истории далекого прошлого не изученной ранее территории Южной Бессарабии. В ходе раскопок Кнауэр пришел к выводу, что раскопанные им курганы не относятся к одному историческому периоду, а являются «многоэтажными», досыпавшимися в разное время. Древние погребения, посыпанные красной охрой, Ф. И. Кнауэр и В. Б. Антонович относили к самому древнему периоду человеческой истории — эпохе «каменного века»²³. Погребения и металлические предметы эпохи бронзы они считали более поздними, чем это было в действительности. Материалы Ф. И. Кнауэра также почти не использовались в более позднее время для характеристики эпохи поздней бронзы Северо-Западного Причерноморья.

Большой вклад в изучение археологических памятников Северо-Западного Причерноморья внес В. И. Гошкевич — талантливый исследователь, основатель Херсонского музея, который в начале XX в. становится одним из самых прогрессивных археологических учреждений на юге России. Многие находки из археологических раскопок в это время даже с территории Поднестровья попадают не в Одесский музей или Эрмитаж, а в Херсонский музей. В. И. Гошкевич был научным руководителем раскопок, проводимых И. Я. и Л. П. Стемповскими; материалы которых также были переданы в Херсонский музей по его ходатайству перед Археологической комиссией. В. И. Гошкевич всю свою жизнь собирал материалы к археологической карте Херсонской губернии. В 1903 г. вышла в свет его книга «Клады и древности

¹⁸ В. И. Гошкевич. Клады и древности Херсонской губернии, ч. I. Херсон, 1903; его же. Погребения, датированные джучидскими монетами. Из раскопок И. Я. Стемповского. — ВОКК, секция археолог., ч. 4-5, Одеса, 1930, с. 104—111; И. В. Фабрициус. Археологическая карта Причерноморья Украинской ССР. К., 1951; Летописи Херсонского музея 1909—1911 гг. Херсон, 1914.

¹⁹ Т. С. Пассек. Периодизация трипольских поселений. — МИА, № 10, М., 1950.

²⁰ А. И. Мелюкова. Скифские курганы Тираспольщины (По материалам И. Я. и Л. П. Стемповских). — МИА, № 115, М., 1962, с. 114—166.

²¹ В. И. Гошкевич. Клады и древности..., с. 87.

²² Ф. И. Кнауэр. О курганах, раскопанных в Южной Бессарабии. — ЧИОНЛ, кн. 3, отд. I. К., 1889, с. 39—49; его же. Вторая археологическая раскопка около села Сараты (в Южной Бессарабии). — ЧИОНЛ, кн. 4, отд. I. К., 1890, с. 30—41; его же. Раскопки в Аккерманском уезде Бессарабской губернии. — Тр. XI АС, т. II. М., 1902, с. 150—151; ОАК за 1891 г. СПб., 1893, с. 89; ОАК за 1899 г. СПб., 1902, с. 39—41; Л. С. Берг. Бессарабия. Пр., 1918, с. 38—40.

²³ F. I. Knaueg. Meusenliche Knochen mit roten Flecken aus bessarabischen Gräbern. — Zeitschrift für Ethnologie, Berlin, 1900, XXXII, с. 315; В. Б. Антонович. Замечания по поводу раскопки, произведенной Ф. И. Кнауэром. — ЧИОНЛ, кн. 4, отд. I. К., 1890, с. 15.

Херсонской губернии»²⁴, целью которой была пропаганда исторических знаний, борьба против хищнических раскопок курганов, стремление сохранить археологические памятники и организовать их научное изучение.

В. И. Гошкевич впервые дал краткий очерк научных исследований археологических памятников в Северном Причерноморье и попытался наметить их историческую классификацию. Древнейшими памятниками он считал погребения в курганах (в грунте, насыпи или на материке) в скорченном положении и костяками, окрашенными охрой. В. И. Гошкевич не расчленил все эти погребения на различные хронологические или этно-культурные группы, а относил их к киммерийцам²⁵. Поэтому в одну группу погребений попали, например, погребения и ямной, и позднетрипольской (усатовской) культуры, и катакомбные погребения, и погребения поздней бронзы. По его мнению, киммерийцы были кочевым народом, заселявшим Северное Причерноморье постоянно с древнейших времен. Несмотря на ошибочность такого взгляда, заслугой В. И. Гошкевича является изучение топографии древнейших погребений в курганах Херсонской губернии, устройства могильных насыпей, способов погребения, особенностей грунтовых ям, техники раскапывания могил и т. д. В. И. Гошкевич обратил внимание на ориентировку и положение скелетов, окрашивание (посыпка) охрой покойников, стремился даже определить рост древних «киммерийцев» на основании размеров костей погребенных. В. И. Гошкевич считал, что киммерийцы занимали обширную территорию от Дуная до Волги и Урала, от пределов бывшей Киевской, Курской, Орловской, Воронежской, Пензенской и Саратовской губерний до Черного моря и Северного Кавказа. Основная масса киммерийских погребений, по мнению В. И. Гошкевича, относится к XII в. до н. э., когда киммерийцы имели торговые связи с древними греками, от которых получали изделия из бронзы и золота, а также керамику. Предметами торговли с греками В. И. Гошкевич ошибочно считал даже расписные позднетрипольские (усатовские) сосуды, найденные во время раскопок И. Я. Стемповского в кургане № 50 у с. Парканы на Тираспольщине²⁶. Древнейшие киммерийские погребения он относил ко времени, предшествовавшему разрушению греками Трои, т. е. датировал их более ранним временем, чем XII в. до н. э. В. И. Гошкевич уже поставил вопрос о происхождении киммерийцев, решить который в будущем должна археологическая наука.

Объединение всех доскифских памятников и отнесение их к киммерийским было слабой стороной во взглядах В. И. Гошкевича, однако в начале XX в. не только он пользовался такой терминологией. За несколько лет до выхода в свет книги В. И. Гошкевича А. А. Спицын одним из первых пытался классифицировать погребения со скорченными костяками, в том числе и на территории Северо-Западного Причерноморья²⁷. Эта классификация не получила широкого признания, так как в основу ее были положены немногочисленные, иногда второсте-

²⁴ В. И. Гошкевич. Клады и древности Херсонской губернии, кн. I. Херсон, 1903.

²⁵ Там же, с. 92—157.

²⁶ В. И. Гошкевич. Указ. соч., с. 155.

²⁷ А. А. Спицын. Курганы с окрашенными костяками. — ЗРАО, т. XI, вып. I и 2 (Труды отделения славянской и русской археологии, кн. 4). СПб., 1899.

ленные признаки. Д. Я. Самоквасов, осуществивший широкие исследования на обширной территории, классифицировал весь археологический материал из курганов по группам, которые обозначал именами исторически известных народов (киммерийцев, скифов, сарматов, славян, татар)²⁸, относил все памятники эпохи, предшествовавшей появлению скифов, к одному «доисторическому» периоду — киммерийскому. Д. Я. Самоквасов пробовал найти погребения киммерийских вождей, о курганах которых в устье Днестра писал Геродот. Для этого он обследовал берега Днестровского лимана и раскопал несколько курганов южнее Аккермана (Шаболат, Каторжи и др.), в которых были обнаружены поздне трипольские, ямные, погребения поздней бронзы и сарматской эпохи²⁹.

Активные археологические исследования в Северо-Западном Причерноморье в начале XX в. начал проводить Э. Р. Штерн, долгое время возглавлявший Одесский археологический музей. Хотя Э. Р. Штерн, филолог-классик по образованию, занимался преимущественно античной историей и «классическими древностями», его работы, посвященные Бородинскому кладу, имели значение и для изучения бронзового века³⁰. Э. Р. Штерн считал материалы Бородинского клада проявлением прямых связей Северо-Западного Причерноморья с Троей и Микенами. Некоторые предметы Бородинского клада он связывал по происхождению с территориями Венгрии и Кавказа. Открытие Бородинского клада имело большое значение для решения проблем истории эпохи бронзы Северо-Западного Причерноморья. Эта замечательная находка вызывает огромный интерес и сейчас³¹.

В 1910—1911 гг. немецким археологом М. Эбертом были проведены раскопки курганов в окрестностях сел Аджигол, Петуховка и х. Марищико³². В восьми курганах, раскопанных у х. Марищико (современное название Островка), обнаружены погребения ямной культуры и эпохи средней и поздней бронзы; некоторые М. Эберт разделил чисто формально на четыре группы³³. Находки из курганов были вывезены в Германию.

²⁸ Д. Я. Самоквасов. Основания хронологической классификации и каталог коллекций древностей. Варшава, 1892, с. I—VIII; его же. Основания хронологического распределения этнографических материалов, открытых в Южной и Центральной России. — Труды Московского археологического съезда, т. II. М., 1895; его же. Могилы русской земли. М., 1908.

²⁹ Д. Я. Самоквасов. Могилы русской земли, с. 20—21.

³⁰ Э. Р. Штерн. Бородинский клад. — МАР, 34. Пг., 1914, с. 1—14.

³¹ А. А. Сплицын. Бородинский клад. — Сб. статей в честь гр. Уваровой. М., 1916, с. 108; О. А. Кривцова-Гракова. Бессарабский клад. М., 1949; Н. Я. Мерперт. Срубная культура Южной Чувашии. — МИА, № 111. М., 1962, с. 16; M. Gimbutas. Borodino, Seima and their Contemporaries. — PPS, v. XXII. Cambridge, 1957, с. 143; T. Sulimirski. Barrow 6 at Komarow. — Bulletin of the Institute of Archeology, v. 4. London, 1964; В. А. Сафронов. Датировка Бородинского клада. — Проблемы археологии, вып. 1. Л., 1968, с. 75—128; В. С. Бочкарев. Проблемы Бородинского клада. — Проблемы археологии, вып. 1. Л., 1968, с. 129—154; Е. Н. Черных. Результаты изучения химического состава металла Бессарабского клада. — СА, 1966, № 1, с. 270—272.

³² M. Ebert. Ausgrabungen auf dem Gute Maritzin. — Praehistorische Zeitschrift, Bd. III, N. 3/4. Leipzig, 1911; его же. Südrussland im Altertum. Bonn—Leipzig, 1921.

³³ M. Ebert. Reallexikon der Vorgeschichte. Berlin, 1924; А. А. Сплицын. Курганы скифов-пахарей. — ИАК, вып. 65, 1918, с. 93; D. Rau. Die Gräber der frühen Eisenzeit in uneren Volgagebieten. Pokrovsk, 1929.

В 1912—1913 гг. на окраине г. Одессы М. Ф. Шкадышек и А. В. Добровольский по поручению Одесского общества истории и древностей произвели охранные раскопки полуразрушенного кургана на территории больницы (Слободка-Романовка)³⁴. А. В. Добровольский, который начинал в то время свою научно-исследовательскую деятельность, подготовил достаточно квалифицированную для того времени публикацию материалов раскопок³⁵.

Эти раскопки представляют огромный интерес, поскольку курган имеет важное значение для хронологии и периодизации эпохи меди — бронзы степной части Северо-Западного Причерноморья. В кургане обнаружены погребения поздне трипольской, ямной, катакомбной и срубной культуры.

В. А. Городцов высоко оценил дневник раскопок А. В. Добровольского и посвятил специальную статью разбору погребений Одесского кургана, привлекая для этого аналогичные материалы из раскопок курганов в Бахмутском и Изюмском уездах³⁶. Он разделил погребения из Одесского кургана на четыре группы, выделив ямные, группу катакомбных, ящичных и, наконец, погребения в насыпях. Материалы погребений Одесского кургана помогли В. А. Городцову создать «курганную» схему периодизации памятников эпохи бронзы в степной части Северного Причерноморья и Приазовья³⁷. Эта схема деления периода эпохи бронзы и до наших дней наиболее признана среди археологов, которые, как правило, погребения в курганах относят к ямной, катакомбной или срубной культурам. Следует отметить, что В. А. Городцов свою схему не распространял на всю территорию степной зоны. Так, разделение погребений Одесского кургана у него конкретизировано и отличается от схемы разделения погребений донецких курганов. Для Одесского кургана он употребляет термин не «срубные погребения», а «погребения в ящиках». Большой заслугой В. А. Городцова является то, что он разработал абсолютную хронологию памятников эпохи бронзы, которая в основном сохраняется и сейчас. Им же был поставлен вопрос о материальной культуре киммерийцев, к которой он отнес некоторые типы изделий из бронзы, обнаруженных в степной части Северного Причерноморья³⁸. В настоящее время эти типы бронзовых изделий связываются с сабашиновскими и белозерскими памятниками в Северном Причерноморье.

Почти все известные к началу первой мировой войны археологические находки эпохи бронзы на территории Восточной Европы были

³⁴ Д. К. Третьяков. Остатки человеческих скелетов из кургана на Слободке-Романовке в Одессе. — ЗООИД, т. XXXII. Одесса, 1915, с. 25—40; М. Ф. Шкадышек. Погребения каменного века в Одессе. — ЗООИД, т. XXXII. Одесса, 1915, с. 3—9; М. Ф. Шкадышек охарактеризовал курган, как некрополь или городище, а погребение отнес к эпохе палеолита или неолита.

³⁵ А. В. Добровольский. Раскопки кургана в предместье Одессы—Слободка-Романовка. — ЗООИД, т. XXXII. Одесса, 1915, с. 123—234.

³⁶ В. А. Городцов. Классификация погребений Одесского кургана. — Отчет Исторического музея в Москве за 1915 г. М., 1917, с. 117—142.

³⁷ В. А. Городцов. Результаты археологических исследований в Изюмском уезде Харьковской губернии в 1901 г. — Труды XII АС, т. I. М., 1907; его же. Результаты археологических исследований в Бахмутском уезде Екатеринославской губернии в 1903 г. — Труды XIII АС, т. I. М., 1907; его же. Культуры бронзовой эпохи в Средней России. — Отчет Исторического музея в Москве за 1914 г. М., 1918.

³⁸ В. А. Городцов. К вопросу о киммерийской культуре. — Труды секции археологии РАНИОН, т. II. М., 1928.

собраны и обобщены в монографии А. М. Тальгрена, посвященной бронзовому веку этой территории³⁹. До сих пор она является наиболее полным сводом археологических памятников эпохи бронзы, открытых в XIX и начале XX в.; обращает внимание небольшое количество памятников этой эпохи, известных в степной части Северо-Западного Причерноморья, по сравнению с другими территориями⁴⁰. А. М. Тальгреном разработана и абсолютная хронология памятников эпохи бронзы⁴¹, однако датировка всех памятников эпохи бронзы сильно занижена (например, материалы Бородинского клада отнесены им к 1400—1100 гг. до н. э.). Многие находки бронзолитейного производства перепутаны, литературные и архивные данные о месте находок не проверены. Так, были перепутаны предметы из Коблевского, Кардашинского, Князь-Григорьевского, Чутовского кладов⁴². Перерисовки литейных матриц из Малокопаневского клада, взятые им из альбома И. Р. Аспелина, даны как отдельные находки, хотя через страницу эти же литейные формы помещены в составе Кардашинского клада⁴³.

Основным недостатком всех дореволюционных исследований было то, что источником для изучения эпохи бронзы явились либо материалы из раскопок курганов, либо случайные находки кладов предметов бронзолитейного производства. На территории Северо-Западного Причерноморья в дореволюционные годы не было проведено ни одного исследования древнего поселения. Такое же положение характерно и для всей степной зоны Северного Причерноморья, поэтому основными критериями для периодизации этой продолжительной и сложной эпохи служили либо погребальные обряды, либо типы металлических изделий, сосудов и т. д. Взятые в отдельности признаки того или иного хронологического периода или культуры по мере накопления знаний приходили в противоречие с совокупностью других археологических данных.

После Великой Октябрьской социалистической революции широко развернулись исследования не только отдельных археологических памятников. В годы Советской власти начались раскопки поселений эпохи поздней бронзы, позволившие воссоздать картину экономики и культуры древних племен.

В начале 20-х годов возле Одессы у сел Усатово и Большой Куяльник были начаты раскопки усатовского (позднетрипольского) поселения, которыми руководил М. Ф. Болтенко⁴⁴. Верхний слой этого поселения относился к эпохе бронзы⁴⁵. В 1926—1940 гг. раскопки поселения и могильника продолжались под руководством М. Ф. Болтенко и Е. Ф. Лаговойской. Верхний слой Усатовского поселения М. Ф. Болтенко назвал «надусатовским» («Большой Куяльник IV»), который, по его мнению, синхронен некоторым впускным погребениям из кургана Слободка-Романовка⁴⁶. Он датировал его серединой II тыс. до н. э. и более поздней эпохой. М. Ф. Болтенко в 1927 г. начал раскопки посе-

³⁹ А. М. Tallgren. Указ соч.

⁴⁰ Там же, с. 166 (вклейка).

⁴¹ А. М. Tallgren. Указ. соч.; О. Н. Бадер. Древнейшие металлурги Приуралья. М., 1964, с. 6—7.

⁴² И. Т. Черняков. Из истории бронзолитейного производства...

⁴³ А. М. Tallgren. Указ. соч., с. 51, рис. 84.

⁴⁴ М. Ф. Болтенко. Раскопки Усатовско-Большокуяльнического поля культурных остатков. — ВОКК, ч. 2—3. Одеса, 1925.

⁴⁵ М. Ф. Болтенко. Стратиграфия и хронология Большого Куяльника. — МАСП, т. 1. Одесса, 1957, с. 24—30.

⁴⁶ Там же, с. 26.

ления сабашиновского типа на Сухом лимане возле Одессы⁴⁷. В 1932 г. им же было обследовано поселение сабашиновского типа на месте находки Красномаяцкого клада⁴⁸, а в 1949 г. проведены раскопки поселения сабашиновского типа Викторовка III⁴⁹. Памятники поздней бронзы конца II — начала I тыс. до н. э. на территории Северного Причерноморья он считал киммерийскими. Киммерийцы были небольшим племенем, именем которого был назван большой союз племен на территории Северо-Западного Причерноморья и Крыма⁵⁰. М. Ф. Болтенко предполагал, что с уходом части киммерийских племен в Малую Азию или на территорию Придунавья и Балкан в Северо-Западном Причерноморье остались довольно многочисленные группы аборигенов, продолжавших жить здесь и в скифскую эпоху. Одним из таких племен, входивших ранее в киммерийский союз, было племя каллипидов, живших около Ольвии⁵¹. Разрабатывая проблему связей Северного Причерноморья с Эгейским миром и Малой Азией, М. Ф. Болтенко пришел к выводу, что племена Северного Причерноморья на протяжении всего II тыс. до н. э. совершали походы через Кавказ и Балканы в Малую Азию. Даже гиксосов он считал по происхождению севернопричерноморскими⁵².

В 1930 г. ряд памятников эпохи энеолита и бронзы исследованы Бугской археологической экспедицией в зоне строительства ГЭС⁵³, где открыто значительное количество трипольских поселений, раскопаны курганы у с. Константиновка, поселение культуры многоваликовой керамики Кременчуга и др. В 1938—18940 гг. А. В. Добровольским был раскопан курган эпохи бронзы у с. Киселово под Одессой и начаты исследования трипольского и эпохи поздней бронзы поселения у с. Сабатиновка, именем которого названа культура позднего бронзового века⁵⁴. По мнению А. В. Добровольского, в степной части междуречья Днестра и Днестра в эпоху поздней бронзы существовала особая культура киммерийцев, которая характеризуется валиковой керамикой и особыми типами бронзовых изделий⁵⁵.

Следовательно, обширный археологический материал является важным фондом для создания истории племен степной зоны Северо-Западного Причерноморья. Подробная их интерпретация связана с современным этапом исследований, однако находки эпохи энеолита и бронзы, как и выводы первых исследователей, не утратили своего значения и до настоящего времени.

⁴⁷ И. В. Фабрициус. Археологическая карта Причерноморья УССР, вып. 1. К., 1951, с. 41.

⁴⁸ М. Ф. Болтенко. Отчет о работе комбината черноморских экспедиций.

⁴⁹ М. Ф. Болтенко. Археологические раскопки на западном берегу Березанского лимана в Викторове в 1949 г. — Архив ОАМ; М. С. Сяницын. Разведка 1949 г. в Викторове III. — КСОАМ за 1963 г. Одесса, 1964, с. 46—49.

⁵⁰ М. Ф. Болтенко. Легенды о происхождении скифов в их реалиях; его же. Древнейший именовник Северо-Западного Причерноморья; его же. Киммерийский вопрос. — Архив ОАМ.

⁵¹ М. Ф. Болтенко. Догреческая Ольвия—центр каллипидов. — Архив ОАМ.

⁵² М. Ф. Болтенко. Гиксосы и Северное Причерноморье. — Архив ОАМ.

⁵³ Ф. А. Козубовський. Археологічні дослідження на території Богесу 1930—1932 рр. К., 1933.

⁵⁴ А. В. Добровольський. Перше Сабатинівське поселення. — АП, т. IV. К., 1952, с. 78—88.

⁵⁵ А. В. Добровольський. Талькові ливарні матриці бронзової доби з Херсонщини. — Археологія, т. IV. К., 1950, с. 169—170.